

О.А. Виноградова

Рассматриваются некоторые особенности Петербургского текста как сверхтекста. Выделены такие необходимые для сверхтекстовых образований компоненты, как развитое мифопоэтическое поле, метатекст, интертекст.

Ключевые слова: Петербургский текст; сверхтекст; метатекст.

Типологическую разновидность Петербургского текста русской литературы – сверхтекст – до сих пор некоторые исследователи называют научной метафорой, что указывает на некое проблемное поле в данной теме.

Новые литературные формы могут замещать предыдущие, вытеснять их. В случае же со сверхтекстовыми образованиями происходит, видимо, другой процесс – кумулятивный, накопительный. Петербургский текст как сверхтекст и сейчас носит открытый характер, продолжается приращение индивидуально-авторских текстов на основе «общего интерпретационного кода» (Т.А. Парамонова). Возможное проигрывание вариантов пути героя, его характера происходит на фоне почти единообразного описания Петербурга.

Хотя ядро данного текста составляют произведения классического периода (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский), он сам не определяется их типологическими и идейными установками. Отсутствие единой авторской воли делает его «носителем самостоятельных ... смыслов» [1] и, скажем от себя, сверхзамысла (спасение человека). Реализован ли он и правильно ли нами (читателями и новыми авторами) понят, будет ясно, видимо, только в конце человеческой истории, т.к. именно такую глобальную задачу ставит перед собой Петербургский текст. Поэтому он ориентирован на *совместное* решение важных проблем, т.е. на диалог, интерпретацию и достраивание. При этом развитая мифопоэтическая составляющая позволяет думать о его чёткой направленности, телеологической заданности восприятия в определённом ключе. Усиление происходит за счёт многократного повторения примет города в большом корпусе текстов, что, бесспорно, воздействует на читателя. Это создаёт очень устойчивый образ, задаёт совершенно чёткую смысловую ориентацию, от которой довольно

трудно отстраниться. Вообще признание некой общности разных текстов, их слияния в феномен сверхтекста уже выходит за рамки чистого литературоведения и лингвистики, оно происходит в контексте культуры.

В «сильных» сверхтекстах (А.Г. Лошаков), к которым относится и Петербургский текст, ощущение смысловой спаянности, связности произведений могут возникать, например, из-за «особого типа состояния сознания» [2], общей тональности описываемого и способности формировать «некие новые тексты (как подтексты)» [3].

Отношения героя с Петербургом, особое переживание города, начиная с XIX века, будут постоянной сквозной темой русской литературы. Поэтому можно говорить о Петербурге как метатеме. Она имеет своё отдельное «тело» – уже вторичный сверхтекст, Петербургский текст. В составе каких-то произведений (как интертекст) он участвует в формировании второго, скрытого сюжета: путешествие по городу как духовный путь, возможная смерть, а через это спасение. По мысли В.Н. Топорова, именно пути спасения делают Петербургский текст нашим великим текстом.

Интересно «отношение» петербургских текстов друг к другу и к описываемому городу: не как внетекстовым, «внешним структурам» (Ю. Лотман), а как к текстовым, находящимся в одном общем пространстве. При этом авторы «обнажают приём» за счёт метаописаний. Под последними мы понимаем не только вопрос о том, как строится данный текст, но и авторские комментарии по поводу «случившихся» с его героями историй, цитацию, различные отсылки. Яркий пример – предисловие С. Ауслендера к циклу рассказов «Петербургские апокрифы» (1909–1911 гг.): «...Никто не знает, что было, как было. <...> Прими, любезный читатель, несколько историй, навеянных грёзами о славном, весёлом, жестоком и необычайном Петербурге минувшего.

То, что вычитал в старых книгах с пожелтевшими страницами, то, что пригрезилось в странные часы сумерек, то, что рассказали мне безмолвные свидетели великих тайн, – соединил я в этих историях для того, чтобы, насколько хватит слабых сил моих, прославить тебя ещё раз, о, Петербург!» [4, с. 265].

Неоднозначен образ повествователя в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя: это и ироничный автор, и неискушённый рассказчик. «Всё время меняются дистанции между автором и повествованием, между повествованием и его объектом, между автором и аудиторией» [5, с. 49]. В начале «Невского проспекта» мы слышим авторские наблюдения/ рассуждения о главной улице города, а в конце (по принципу рамочной композиции) – его комментарии по отношению к только что изложенным сюжетным линиям, с подчёркнутым отстранением, как к чему-то внешнему. Подобное композиционное построение и позиция автора (метатекст) не даёт нам возможности пребывать в иллюзии некоей реальной истории (её модели), мы не забываем, что «имеем дело с литературным текстом» [6, с. 98].

В другом знаковом петербургском тексте, «Крысолове» А. Грина, рассказчик, повествуя о произошедших с ним событиях, также не обходится

без метатекстовых вкраплений: «Весной 1920 года, именно в марте, именно 22 числа, – дадим эти жертвы точности, чтобы заплатить за вход в лоно присяжных документалистов, без чего пылкий читатель нашего времени, наверное, будет спрашивать в редакциях – я вышел на рынок» [7, с. 305].

Ещё пример рефлексии происходящего с ним (уровень метатекста): «Между тем я был ещё в начале событий. Их развитие началось стуком отдалённых шагов» [7, с. 331].

Причём голос и гоголевского повествователя, и гриновского рассказчика звучат очень отчётливо, с претензией или на определённую назидательность, как у Гоголя («О, не верьте этому Невскому проспекту! Я всегда закутываюсь покрепче плащом своим, когда иду по нём, и стараюсь вовсе не глядеть на встречающиеся предметы. Всё обман, все мечта, всё не то, что кажется! <...>Менее заглядывайте в окна магазинов... Но боже вас сохраните заглядывать дамам под шляпки!.. Далее, ради Бога, далее от фонаря!» [7, с. 272]), или на то, чтобы сей случай соотносился и воспринимался в своём точном историческом хронотопе (не случайно мотив памяти предстаёт одним из ведущих в «Крысолове»).

Так автор вводит в отношения «читатель – художественный мир произведения» ещё и свою фигуру. В результате такого выраженного авторского присутствия читатель попадает в сильнейшее ментальное, понятийное поле, в котором идёт смысловая кристаллизация, просматривание различных вариантов пути. Метатекст «переключает внимание адресата на собственно текстовые компоненты, тем самым создаётся следующий уровень интерпретации» [8, с. 143]. Получается сложный клубок «противоречивых отношений искусства и реальности, вымысла и конкретных жизненных обстоятельств.

Между этими полюсами и происходит поиск героем самого себя, осуществляется его выбор. Иначе и не могла бы, видимо, складываться ситуация с Петербургским текстом русской литературы, где двойственность начинается уже со статуса самого города: ему то отказывали в факте бытия (исчезнет, как туман, «мозговая игра»), то наоборот считали воплотившемся в реальности мировым злом, царством Антихриста. Отсюда неотделимая от города мифопоэтическая составляющая. А так как «прорабатываются» здесь важные для каждого, универсальные смыслы (варианты спасения, по В.Н. Топорову), то концепты этого текста давно уже живут в нашем языке и сознании. Поэтому налицо и обратный эффект – выход Петербургского текста «из чисто литературного ряда в мир реальности» [6, с. 99]. При этом все – читатели, автор, произведение, герои, город – находятся в пределах одного пространства. Объединяющим началом в данном случае выступает Петербургский текст, который воспринимается как борьба с энтропией (нарастанием бессмысленного, разрушительного, т.е. хаоса, смерти).

Таким образом, сам феномен Петербургского сверхтекста с его метатекстовыми, интертекстуальными компонентами, свидетельствует о важности того Петербургского мифа (со всем его когнитивным полем), который стоит за произведениями.

Библиографический список

1. Доманский, Ю.В. Вариативность и интерпретация текста (парадигма неклассической художественности): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ю.В. Доманский. – М., 2006.
2. Тихомирова, Л.Н. «Ночная» поэзия как сверхтекст / Л.Н. Тихомирова // Изв. УрГУ. Серия Гуманитарные науки. Филология. – 2009. – № 1/2 (63).
3. Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифологического / В.Н. Топоров. – М., 1995.
4. Ауслендер, С.А. Петербургские апокрифы: роман, повести, рассказы / С.А. Ауслендер. – СПб.: Мирь, 2005. – 711 с.
5. Маркович, В.М. Петербургские повести Н.В. Гоголя / В.М. Маркович. – Л.: Художественная литература, 1989. – 208 с.
6. Лотман, Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь / Ю.М. Лотман. – М.: Просвещение, 1988. – 352 с.
7. Мистический Петербург. – М.: Яуза: Эксмо, 2008. – 352 с.
8. Николаева, Т.М. Метатекст и его функции в тексте (на материале Мариинского Евангелия) / Т.М. Николаева // Исследования по структуре текста. – М.: Наука, 1987. – 304 с.